

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В. Ф. ХОДАСЕВИЧА В ГАЗЕТЕ «ВОЗРОЖДЕНИЕ»: К ПРОБЛЕМЕ КАНОНИЧЕСКОГО ТЕКСТА И АТРИБУЦИИ

За тринадцать лет сотрудничества в парижской эмигрантской газете «Возрождение» В. Ф. Ходасевич, ставший ее ведущим литературным критиком в феврале 1927 г., после вынужденного ухода из «Последних новостей», опубликовал на ее страницах более четырехсот литературно-критических и биографических работ. Среди них — обширные теоретические и «программные» статьи, рецензии на актуальные новинки эмигрантской и советской литературы, литературные портреты и воспоминания, отрывки из книг о Державине и Пушкине, историко-литературные работы.

Отдельное направление литературно-критической деятельности Ходасевича в «Возрождении» составляли еженедельные обзоры советской литературы, выходившие в рубрике «Литературная летопись» за подписью «Гулливера». Считалось, что автором ее был Ходасевич, и сам он неоднократно подтверждал этот факт¹. Но после признания Нины Берберовой, сделанного ею в книге «Курсив мой», исследователям пришлось пересмотреть это устоявшееся мнение. Писательница заявила о том, что обзоры «Гулливера» писались ею, поскольку Ходасевич был «неспособен читать советские журналы, следить за новинками»² и лишь редактировал написанное, иногда добавляя заметки от себя.

Не вдаваясь подробно в проблему соотношения авторства текстов «Гулливера», отметим, что современные исследователи³ склонны считать свидетельство Н. Н. Берберовой значительным преувеличением своей доли участия в общей работе и предпочитают оценивать авторство «Литературной летописи» как совместное. В связи с этим неизбежно возникает проблема атрибуции отдельных текстов «Гулливера» Ходасевичу и, главное, выработки соответствующей методики атрибуции, о чем будет сказано ниже.

Несмотря на то, что начиная с 1950-х годов в мире вышло несколько сборников избранных произведений Ходасевича и два собрания его сочинений (одно из них, которое готовится группой американских славистов, до сих пор не завершено)⁴, в которые вошли в том числе его литературно-критические статьи и мемуарные очерки, количество републикованных работ критика по сравнению с общим объемом напечатанного им в «Возрождении» остается невелико. Существующие издания охватывают главным образом статьи, без которых ни один сборник избранного или посвященный критике Ходасевича том собрания его сочинений не мог бы считаться действительно репрезентативным и которые уже давно стали хрестоматийными.

Это в первую очередь материалы полемики критика с его главными оппонентами — Г. В. Адамовичем и З. Н. Гиппиус, мемуарные очерки о современниках и о себе, работы историко-литературного характера, рецензии на новые книги и публикации наиболее значимых писателей и поэтов русского зарубежья.

Различные издания, включающие литературную критику и мемуары Ходасевича (во многих из которых биографическая линия тесно переплетается с анализом творчества), будучи относительно сопоставимы по репрезентативности отобранного для републикации материала, несопоставимы по уровню текстологической подготовки и комментария. О недостатках текстологии двух первых посмертных изданий Ходасевича — сборников «Литературные статьи и воспоминания» и «Белый коридор» — можно судить уже по вольному обращению их составителей с авторскими заглавиями. Так, очерк «Пролеткульт и т. п.» публикуется в них под заглавием «Пролеткульт», «Диск» — «Дом искусств», «Литературно-Художественный Кружок (Из московских воспоминаний)» — «Московский Литературно-Художественный Кружок» и т. д.

Современные издания В. Ф. Ходасевича (в первую очередь два собрания его сочинений и сборник «Колеблемый треножник») выполнены на высоком текстологическом уровне и сопровождаются детальным научным и текстологическим комментарием, но, как уже было сказано выше, охватывают лишь малую часть его критического наследия. Большая его часть еще ждет своего публикатора. В связи с этим необходимо наметить ряд проблем, неизбежно возникающих при републикации литературной критики Ходасевича в «Возрождении».

В силу трагических обстоятельств, сопровождавших личный и рабочий архив Ходасевича после его смерти⁵, он сохранился далеко не в полном объеме и почти не содержит в себе черновиков и редакций его литературно-критических работ⁶. Кроме того, сам характер газетной работы критика зачастую не предполагал дальнейшей републикации напечатанных в «Возрождении» статей и очерков — исключая очерки, вошедшие позднее в книгу «Некрополь». Поэтому за основной текст при републикации большинства статей критика приходится принимать их окончательные авторские редакции, представленные на страницах «Возрождения». Облегчая задачу публикатора, такое положение дел фактически сводит на нет попытку проследить творческую историю того или иного текста, выявить эволюцию авторского замысла и — шире — сформулировать принципы критической стратегии Ходасевича.

Один из немногих обратных примеров дает знаменитый очерк Ходасевича «Об Анненском», сохранившийся в трех различных редакциях — как печатных, так и в виде печатного экземпляра с авторской правкой (вторая редакция). Сопоставление последней редакции этого очерка, подготовленной автором для републикации в «Возрождении», с его более ранними редакциями позволяет увидеть, что внесенная Ходасевичем правка и сде-

ланные сокращения исказили изначально присущее ему идейно-стилистическое единство.

Впервые очерк «Об Анненском», в основу которого лег доклад, прочитанный Ходасевичем на вечере памяти поэта в Доме Искусств 14 декабря 1921 года, был опубликован в сборнике «Феникс» в начале 1922 года⁷. Спустя несколько месяцев, в Берлине Ходасевич существенно переработал этот текст для его публикации в журнале «Эпопея»⁸, исправив многочисленные опечатки, допущенные в первой публикации, сверив цитаты из стихотворений И. Ф. Анненского и внеся в сам текст тщательную стилистическую правку. Наконец, 14 марта 1935 года Ходасевич опубликовал очерк «Об Анненском» в «Возрождении», предварительно еще раз его переработав⁹. Внесенные изменения были значительными (так, критик полностью изъел первую подглавку очерка и анализ обширной подборки стихов Анненского) и имели своей целью упростить сложный, насыщенный отвлеченной символистской фразеологией текст, сделав его доступным массовому читателю популярной эмигрантской газеты.

Характер вносимых изменений становится очевиден при сопоставлении аналогичных фрагментов из всех трех редакций очерка (приводимые примеры не являются единичными и взяты из обширного ряда им подобных):

Феникс: Сборник художественно-литературный, научный и философский. Кн. 1. М.: Костры, 1922.

Этот свой псевдоним [«Ник. Т-о» — К. Я.], под которым он печатал стихи, сам Анненский рассматривал, как перевод греческого «οὐτις», никто — того имени, под которым Одиссей скрыл от циклопа Полифема свое истинное имя, свою подлинную личность, своего «некто».

Эпопея. 1922. №3.

Этот свой псевдоним, под которым он печатал стихи, Анненский рассматривал, как перевод греческого «οὐτις», никто, — того самого псевдонима, под которым Одиссей скрыл от циклопа Полифема свое истинное имя, свою подлинную личность, своего «некто».

Возрождение. №3571. 1935. 14 марта.

Этот свой псевдоним, под которым он печатал стихи (действительно — неподходящее для директора гимназии), Анненский рассматривал как перевод греческого «утис», никто, — того самого псевдонима, под которым Одиссей некогда скрыл свое истинное имя, своего некто — от циклопа Полифема.

Анненский же не меньше смерти боится жизни. И не знает: в жизнь ли ему прятаться от смерти — или броситься в смерть от жизни.

Анненский не меньше смерти боится жизни. И не знает: в жизнь ли, в мундир ли прятаться ему от смерти — или уж прямо, не вынеся ужаса ожидания, — броситься в смерть от жизни: в безмозглую вечность, «в одурь диванов», в бесконечную смену полос на тике.

Анненский не меньше смерти боится жизни. И не знает: в жизнь ли, в мундир ли чиновника спрятаться от смерти или уж прямо, не вынеся ужаса ожидания, броситься в смерть, в безмозглую вечность, в бесконечную смену полос на диванной обивке.

В связи со сказанным выше характерно использование в газетной редакции русской транскрипции греческого термина, в то время как в предыдущих двух редакциях очерка он приводился автором в оригинале. Неслучайно, видимо, и снятие в газетной редакции цитаты и парафраза из стихотворения Анненского «Тоска вокзала» («Уничтожиться, канув//В этот омут безликий, //Прямо в одурь диванов, //В полосатые тики»¹⁰), отсылка к которому могла быть уже не так очевидна для читателя-эмигранта в 1935 году, но без которой, однако, «бесконечная смена полос на диванной обивке» кажется почти случайной метафорой.

Очевидно вынужденный характер изменений, внесенных Ходасевичем в третью редакцию посвященного И. Ф. Анненскому очерка, выдвигает на первый план проблему выбора основного текста для его републикации в современных изданиях. Как представляется, в данном случае правильнее отступить от распространенной практики републикации последней прижизненной редакции текста и принимать за основную не газетную редакцию 1935 года (републикуемую в авторитетном сборнике «Колелемый треножник»), а исправленную Ходасевичем редакцию 1922 года (как это делают составители четырехтомного собрания сочинений Ходасевича), в которой авторский замысел был реализован в наиболее полном и целостном виде. Однако, как уже было сказано выше, подобные примеры в наследии критика единичны. Поэтому основная работа по текстологической подготовке абсолютного большинства литературно-критических работ Ходасевича сводится к внесению в их опубликованные в «Возрождении» окончательные авторские редакции конъектурных исправлений, устраняющих искажения и дефекты набора, и приведению их к современным орфографическим и пунктуационным нормам.

В отличие от собственной критики Ходасевича тексты «Литературной летописи» были републикованы в качестве самостоятельного литературно-критического материала лишь один раз¹¹, в остальных случаях их републи-

кация имела характер цитирования — иногда довольно обширного¹². При этом публикатор не ставил перед собой задачу атрибуции публикуемых текстов, ограничившись указанием на то, что их авторство было совместным.

Атрибуция «Литературной летописи» действительно крайне проблематична, поскольку наиболее надежные — документальные — источники атрибуции текстов «Гулливера» в архиве Ходасевича не сохранились или сохранились не полностью. На сегодняшний день известны только два таких источника: это письма Ходасевича к Берберовой и его рабочий дневник, который дает наиболее убедительные доказательства участия критика в том или ином выпуске «Летописи». Дневник этот, который в настоящее время находится в фонде М. М. Карповича в Бахметевском архиве при Колумбийском университете, сохранился не в полном объеме и охватывает период начиная с октября 1928 года по первую половину марта 1932 года и затем, с большим перерывом, за период с конца декабря 1936 года по начало февраля 1937.

Всего дневник содержит 13 записей о работе над хроникой, но нужно отметить, что он неполон не только фактически, т. к. значительная часть его была утрачена, но и содержательно, поскольку он часто не фиксирует работу Ходасевича над многими его статьями и очерками. Упомянутые в рабочем дневнике выпуски «Литературной летописи» содержат в общей сложности около пятидесяти отдельных заметок на различные темы — начиная с обзоров советской пушкинистики и заканчивая рецензиями на актуальные новинки советской литературы. В числе последних — развернутые отзывы на произведения Анатолия Мариенгофа, Николая Асеева, Бориса Эйхенбаума, рассказы Сергея Сергеева-Ценского «Стремительное шоссе» и Леонида Рахманова «Купчиха Утиль», пьесу Вениамина Каверина «Личные счеты», повесть Александра Тарасова «Подруги» и другие произведения советских авторов.

Так как в количественном отношении результаты атрибуции текстов «Гулливера» на основании документальных источников крайне малы и при этом, в силу названных выше обстоятельств, вряд ли могут считаться исчерпывающими, представляется необходимым использование для определения авторства «Летописи» идейного анализа. В случае с текстами «Гулливера» он представляет собой детальное сопоставление заметок Гулливера с собственными статьями Ходасевича или сопоставление заметок Гулливера, атрибутируемых с помощью документальных источников, с другими заметками хроники, не упомянутыми в документальных источниках, но идейно близких им.

Несмотря на то, что произведенные на основании идейного анализа атрибуции традиционно вызывают недоверие исследователей, в случае с определением авторства «Литературной летописи» они дают значительные результаты. Так например, почти не вызывает сомнения принадлежность Ходасевичу заметок-некрологов двух московских литераторов — Ивана Рукавишников и Сергея Заяицкого, опубликованных, соответственно, в

«Литературной летописи» от 17 апреля и 5 июня 1930 года. С Иваном Рукавишниковым Ходасевич, вероятно, познакомился во время своей работы в Тео Наркомпроса, о которой он подробно писал в очерке «Белый коридор». Характеристика, данная в нем Рукавишникову, почти дословно совпадает с характеристикой «Гулливера». Что касается Сергея Заяицкого, то хотя в собственных воспоминаниях и очерках Ходасевича его имя не встречается, все же представляется маловероятным, чтобы его, коренного москвича, знала Нина Берберова. Однако для того, чтобы эти и другие атрибуты, произведенные на основании идейного анализа, перешли из категории дубиальных произведений критика в основной корпус его статей, необходим детальный, кропотливый анализ, сочетающий в себе все возможные методы установления авторства и учитывающий все источники атрибуции.

Что касается эдиционной проблемы «Литературной летописи», то представляется маловероятным, что когда-нибудь будет издан полный свод содержащихся в ней текстов: в первую очередь, из-за огромного объема материалов, опубликованных в этой рубрике («Литературная летопись» выходила еженедельно на протяжении тринадцати лет и занимала в среднем четверть газетного листа). В связи с этим представляется необходимым, во-первых, издание обширного избранного «Гулливера», а во-вторых, создание и издание аннотированного указателя текстов «Летописи», который, несомненно, послужит уникальным источником информации как для исследователей творчества В. Ф. Ходасевича и Н. Н. Берберовой, так и для историков и исследователей советской литературы 1920–1930 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. об этом, напр.: Письмо Ходасевича к М. В. Вишняку от 8 декабря 1927 г. // Собрание сочинений: В 4 тт. — М.: Согласие, 1997. — Т.4. — С. 505.
- 2 Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. — М.: Согласие, 1999. — С. 368.
- 3 См. обоснованную теорию Джона Е. Малмстада: Малмстад Джон Е. Единство противоположностей. История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака // Литературное обозрение. — 1990. — №2. — С. 53–54, 58.
- 4 См., например: Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. — Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954; Ходасевич В. Ф. Избранная проза в двух томах. Т. 1. Белый коридор. Воспоминания. — Нью-Йорк: SILVER AGE PUBLISHING, 1980; Ходасевич Вл. Колеблемый треножник: Избранное / Сост. и подготовка текста В. Перельмутера. — М.: Советский писатель, 1991; Ходасевич Вл. Собрание сочинений. Под ред. Джона Малмстада и Роберта Хьюза. Том второй. Статьи и рецензии: 1905–1926. — ARDIS, 1990; Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. [Сост., подгот. текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова; Вступ. С. Г. Бочарова; Коммент. И. П. Андреевой, Н. А. Богомолова] — М. Согласие, 1996.
- 5 После оккупации Парижа вдова В. Ф. Ходасевича, О. Б. Марголина-Ходасевич, была арестована и депортирована из Франции, а все вещи из ее квартиры, в том числе оставшиеся там бумаги и книги Ходасевича, вывезены в неизвестном направлении. Н. Н. Берберовой удалось спасти часть этого архива, который хранится теперь в ее фонде в Библиотеке Бейнеке при Йельском университете. Еще одна часть сохранившегося архива поэта находится в фонде М. М. Карповича в Бахметевском архиве при Колумбийском университете.

- 6 Исключения составляют, например, документы из фонда Н. Н. Берберовой (Series VIII, The Vladislav Khodesevich Papers. Nina Berberova Papers. General Collection, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University): машинопись статьи «Памяти В. А. Пяста» (F. 1321) и автограф статьи «К истории возвращенчества» (F. 1322), а также из фонда М. М. Карповича (Columbia University Libraries. Bakhmetieff Archive Ms Coll М. М. Карпович. Folder 2–3 (27)): наброски статьи о «человеческом документе» и романе «Тело» Екатерины Бакуниной (Folder 2 (27). S. 4–6), наброски к полемике с Адамовичем (Folder 2 (27). S. 26), начало некролога Маяковского (Folder 3 (27). S. 38), окончание статьи «О возвращенчестве» (Folder 3 (27). S. 39), экземпляр статьи «Об Анненском», опубликованной в «Эпопее», с авторской правкой (Relates Materials, 2) и некоторые другие.
- 7 Феникс: Сборник художественно-литературный, научный и философский. Кн. 1. М.: Костры, 1922. С. 122–136.
- 8 Эпопея. 1922. №3. с. 34–56.
- 9 Возрождение. №3571. 1935. 14 марта.
- 10 Анненский И. Ф. Избранные произведения. — Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1988. С. 88.
- 11 Ходасевич В. Ф. Перед зеркалом/Сост., вступ. ст. и примеч. С. Федякина. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 439–446.
- 12 См., напр.: Малмстад Джон Е. Единство противоположностей. История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака//Литературное обозрение. — 1990. — №2. — С. 53–54, 58.